

«У меня нет комплексов по отношению к классикам»

Рос. газета, 2001, — 29 мар. — 9 ф

Писателю Юзу Алешковскому вручена Пушкинская премия в 30 тысяч немецких марок

В столичном Доме журналистов в день рождения Пушкина по старому стилю состоялось вручение немецкой Пушкинской премии писателю и поэту Юзу Алешковскому, ныне проживающему в Америке. Премия эта была учреждена немецким меценатом Альфредом Телфером в 1989 году для поощрения российских писателей. За эти годы ее лауреатами становились как представители "старой школы" письма — Виктор Астафьев, Белла Ахмадулина, Владимир Маканин, Олег Чухонцев, так и пост-модернисты Дмитрий Пригов, Тимур Кибиров, Юрий Мамлеев...

В Домжуре собрались друзья лауреата — Белла Ахмадулина, Борис Мессерер, Олег Чухонцев, Андрей Макаревич, Евгений Рейн... Председатель жюри профессор славистики Гамбургского университета Вольф Шмид (в жюри с русской стороны вошли Андрей Битов и литературовед Сергей Бочаров, а с немецкой — швейцарская писательница Ильма Ракузе, переводчик из Лейпцига Андреас Третнер) объявил о том, что Юзу Алешковскому Пушкинская премия присуждается по совокупности "за творчество, создаваемое писателем с 50-х годов, которое сделало его одной из ведущих личностей русской литературы XX века". "По совокупности" означало, что были оценены и "лагерные песни" "Товарищ Сталин, вы большой ученый", "Окурочек", ставшие народными, сатирическая проза, стихи...

В ответной речи Юз Алешковский поблагодарил за "почетный литературный трофей" и спел под аккомпанемент Андрея Макаревича свои знаменитые песни. Мы взяли у лауреата интервью для наших читателей.

— Юз, если честно, приятно получить премию Пушкина?

— Конечно, приятно. Для меня в этом событии есть некоторые юмористические моменты, поскольку я считаю себя в литературе маргиналом и всегда говорил своему другу Андрею Битову: "Самое главное в жизни писателя или поэта — выбраться из потока, именуемого "литературным процессом".

— Стало быть, вы предпочитаете плыть в одиночку?

— Да! Но что значит "в одиночку"? Можно достойно соответствовать какой-либо литературной традиции и даже в чем-то превзойти основоположников. А можно не особенно задумываясь о своей схожести с классиками и идти своей дорогой. Интуитивно каждый литератор этим и занимается, но одному это удается, а другому нет. Комплексов у меня по отношению к титанам литературы никогда не было.

— Бродский в предисловии к ва-

— Кто ваш бог в искусстве — или вы язычник?

— Нет, тут многообразие совершенно необходимо. Если говорить о прозе, то, конечно, — Пушкин и Достоевский.

— Положим, Пушкин еще употреблял ненормативную лексику, а чтобы Достоевский... что-то не припоминаю...

— Мы говорим о том, кто для меня бог в искусстве или кто бог сквернословия в русской словесности?

Андрей Макаревич — Юзу Алешковскому: "Еще по одной споем?"

шему трехтомнику писал, что Алешковский вышел из тюремного ватника.

— В известном смысле так оно и есть. Но, на мой взгляд, вышел я со двора, с улицы — из дворовой, из уличной, из народной, если на то пошло, из лагерной стихии речи. Не думайте, что я не поддавался искушению "олигитературивания". Худшие свои вещи, те, которыми я недоволен, могу называть "литературными произведениями". Я скажу по стихии речи. У меня есть великие учителя — Достоевский и Платонов.

— Значит можно поправить Бродского: вы вышли из мешка Достоевского и железнодорожной фуражки Платонова?

— Скажем так, меня устраивают любые метафоры и образы.

— Пенсионер! Но пока еще перышко дрожит в руке, что-то там стрекочет, — значит, еще писать!

— Насчет "победителя палочек Коха": согласитесь, очень двух- и трехсмысленное выражение!

— Если говорить о сегодняшней ситуации, то я не боролся с Кохом, более того, у меня к Коху личное отношение очень приятное. О механике борьбы "Газпрома" с НТВ мне мало что известно, и тем более совсем не известна тайная подоплека этих конфликтных отношений... А что касается палочек Коха, то у меня действительно во время войны был туберкулез, начало туберкулеза, слава богу, от которого меня спасла мать и ангелы.

— Что вам не нравится в современной литературе?

— Не нравится хлынувший во все шлюзы и во все щели поток сволочи, которая не имеет никакого отношения к слову, но знает низменные интересы известной группы читателей — тех, что питаются грубо выраженным сексом, насилием, ужасами, научной фантастикой и так далее. Все развалы завалены такого рода литературой. Наряду с этим выходят совершенно замечательные сочинения, о которых мы даже не смели мечтать раньше. Сейчас необыкновенно грустно видеть на прилавках, скажем, китайскую литературу или замечательные сочинения наших японистов, или старых немецких мистиков. Всего этого мы были лишены. А ведь если бы читали, масса людей была бы лучше и нравственнее, и эстетичнее, и образованней, а может быть, даже религиозней, потому что к вере причащаются не только после чтения Священного Писания или формального входа в круг церковной жизни... Так что при виде книжных развалов испытываю и восхищение, и необычайную безразличность. Но так и в жизни: наряду с клумбами существуют помойки, и без них, наверное, не обойтись. Запрещать такую литературу нельзя, потому что есть определенное количество людей, для которых эти книги существуют.

— Вы верующий человек?

— Верующий — православный по крещению. Это не мешает мне восторженно относиться к китайской религии, к даосизму и т.д.

— Гражданин мира.

— Гражданин мира — это свободный и счастливый бродяга.

— А вы что — не свободны, не счастливы, не бродяга?

— Бродяга! Свободен! Но, к сожалению, ограничен в бродяжничестве за неимением достаточного количества "бабок". Не, всегда попутешествуешь по Европе. Ну, на Америку еще хватает — пересекаю ее из конца в конец по диагонали. Я живу в штате Коннектикут, недалеко от Нью-Йорка, в деревенском месте. При первой же возможности я и жена бродим по белу свету. Даже в Китае прожили два месяца.

— Как становятся "алешковскими"?

— У каждого свой путь. Надо выбраться из литературного процесса. Между прочим, у меня есть основания говорить, что божьим даром не обделен. Другое дело, как я им распорядился? Здесь у меня претензий к себе больше, чем у кого либо. Если это есть, то зачирикаешь по-своему. Ну не поет воробушек как зяблик, зяблик — как соловей. У каждого божьего дара есть порода, и если он истинен, поешь по-своему, так же как птица. Если же дар вшивый — имитаторский, подражательский — то и будешь чирикать, как птицы, умеющие лишь подражать...

— Вас не смущает то, что вы своим творчеством наплодили множество литературных "дроздов"?

— Я здесь совершенно ни при чем. Да и не я, собственно, начал так изъясняться, точнее, сделал мат элементом художественного содержания. Вспомните дела пушкинской юности или гусарские поэмы Лермонтова. "Демон" даже дьяволизмом полагивает, но гениален!.. Так что я не считаю себя родоначальником и ответственности за имитаторов не несущий...

Беседовал Александр ЩУПЛОВ.